

Как бы ни скрывали возраст мои сверстницы, какими бы стройными, гладколицыми и подвижными ни были иные из них, я все равно по нескольким приметам пойму, что передо мной женщина, чье студенчество пришлось на конец пятидесятых — начало шестидесятых годов.

Что это за приметы? Ну, например: пристрастие к черным свитерам-водолазкам, серым или бежевым юбкам из перстротканки; юбки длиной до середины колена или сантиметров на пять выше, независимо от комплекции; мальчишеские стрижки или «бабетты» — взбитые пышные прически из волос средней длины...

Но главная примета — черная полоска, наведенная по краю верхнего века и уходящая чуть не на полсантиметра в сторону виска. Видели «кошачьи глазки» Майи Кристалинской, Эдиты Пьехи на записях «голубых огоньков» тех лет? Эдита Станиславовна уж на что женщина, следящая за модой, а отказаться от этого штриха так за всю жизнь и не смогла. Понятно: наше поколение в юности не красило губ, не пользовалось тональными кремами, румянами и тенями, но без вот этой черной загнутой хвостиком линии на лице было выйти неприлично, по крайней мере в студенческой среде.

Поэтому сначала вошедшей в кабинет ожидаемой мной гостье, учитывая легкость ее движений, гладкое лицо, живой взгляд, я дала лет на десять меньше моего возраста, но, когда увидела «подводку» да еще и один из вариантов «бабетты», поняла, что жили мы в одном времени и пространстве, хоть и почему-то до сих пор не знакомы.

Дело обстояло так. Я узнала, что в Челябинске есть женщина — доктор технических наук. Докторов различных наук — женщин в нашем городе немало, но технических — пока не слыхала. Да еще доктор эта — специалист по моторам, причем конкретно по дизелям.

Я позвонила незнакомой мне Вере Сергеевне Морозовой и предложила встретиться.

Мои догадки подтвердились: мы оказались практически ровесницами, да и вообще в судьбах наших было так много параллелей, что просто удивительно. Нас обеих в самом нежном возрасте вывезли в последних эшелонах их горящего Харькова. Общим досталось голодное и холодное детство в военном Челябинске. Обе учились в женских школах — Вера Сергеевна в знаменитой восемнадцатой, а я в не менее знаменитой в те годы сороковой: монастырские строгости в одежде, прическах и всем, что касалось внешнего облика и манер, но очень серьезное и высококачественное образование. Обе учились на факультетах, где большинство студентов — юноши. Дальше совпадения до смешных мелочей: обем довелось «на картошке» поработать поварами, у обеих была любовь к сцене — у меня к студенческой эстраде, Вера плясала в очень известном танцевальном ансамбле политеха. Когда я похвасталась, что ездила в танке (просто чтобы показать женщине-специалисту по танковым моторам, что чуть-чуть имею понятие о том, чему она посвятила жизнь), то в ответ услышала, что на студенческой практике Вера водила танки...

Для девушек- того поколения, что потом стали называть «шестидесятниками», не было деления на мужские и женские профессии. Это не было противопоставлением себя «сильному полу», желанием что-то кому-то доказывать. Это было естественно. Для самих девушек естественно, а мужчинам приходилось смириться с этим, потому что недавняя война заставила женщин заниматься мужскими делами, и оказалось, что они могут практически все.

Получив отказы из тридцати учебных заведений, готовящих штурманов дальнего плавания, Вера Румянцева поступает на автотракторный факультет ЧПИ. Выбор был не случайным. Семья Румянцевых прибыла в Челябинск, эвакуировавшись вместе с авиационным заводом, поскольку папа Сергей Александрович еще до войны работал вместе с будущими четвцовцами над мотором В-2, который впоследствии стал основным двигателем танков, а мама Антонина Петровна собирала первые харьковские самолеты.

Сергей Александрович стал сразу по прибытии в Челябинск работать вместе с Иваном Яковлевичем Траштуниным, а с 1948 по 1958 год преподавал на АТ-факультете, так что Вера Сергеевна полностью унаследовала дело отца — она потомственный дизелист и потомственный преподаватель. Если учесть, что и замуж Вера Румянцева вышла за своего однокурсника Вадима Морозова и после окон-

в том, что дизель может работать не на одном каком-либо виде топлива, а на нескольких различных. Значение такого отличия объяснять, надеюсь, не надо.

Это было темой кандидатской диссертации, защищенной в 1973 году в ученом совете ЧПИ. Но до этого было неожиданное для самой себя поступление в ленинградскую аспирантуру (без отрыва от производства) через четыре года после окончания института и рождения дочери. Кстати, Морозова была единственной женщиной среди 16 претендентов на восемь аспирантских мест.

Вторая дочь родилась уже у кандидата технических наук. Докторская диссертация защищена год назад. В Высшем техническом училище имени Н.Баумана — самом авторитетном для технарей научном учреждении страны.

— Я не могла выбирать ученый совет где-нибудь, где легче. Подумали бы, что на более серьезном уровне женщина с ее «рукоделием» не прошла бы, — говорит Вера Сергеевна.

1956 ГОД. УБОРКА УРОЖАЯ НА КАЗАХСТАНСКОЙ ЦЕЛИНЕ. ЭКИПАЖ МАШИНЫ БОЕВОЙ — КОМБАЙНА: ВЕРА И ТРОЕ ПОЛТЕХНИКОВ.

ВРЕМЕНА И ПРАВЫ

Пламенный мотор

МОРОЗОВА СРЕДИ КОЛЛЕГ ПО РУКОВОДИМОЙ ЕЮ ЛАБОРАТОРИИ.

СВАДЬБА.

НА ОТПУХЕ В СОЧИ С МУЖЕМ И СТАРШЕЙ ДОЧЕРЬЮ.

чания института трое из семьи ^мянцевых-Морозовых — отец, дочь и зять — оказались в одном СКБ-75 и работали над дизельным двигателем, нетрудно представить, что Вере приходилось доказывать не только то, что она может работать не хуже мужчин, но и что ее успехи не дело рук любящих папы и мужа. Дело в том, что Вера Сергеевна очень хорошенькая, с внешностью нежной, женственной. Угадать в миниатюрном улыбочивом создании дельного спешиста и к тому же человека с совершенно железной волей весьма трудно.

А между тем выбор специальности Верой Румянцевой был, как уже говорилось, сделан совершенно сознательно (она ведь от отца имела представление о том, чем ей придется заниматься), и выбрала она сначала специализацию «дизель», потом из двух групп — открытой и закрытой, режимной — именно закрытую, то есть ту, где предстояло готовиться к работе в оборонной промышленности, а конкретно — над танковыми моторами. Потом будущее дело еще более конкретизировалось — система топливоподачи.

Диплом защищался, когда дипломантка была «на сносях». Защита была 23 июня, а роды планировались на 21-е. Получив не ту оценку, на которую могла бы рассчитывать, заплакала двадцать дней. Роды были трудными и не без тяжелых последствий для здоровья.

После родов — на ЧТЗ, где пять лет в конструкторском бюро, а шестнадцать — в лаборатории топливной аппаратуры при Цехе. И всю жизнь работа над созданием, доводкой, совершенствованием системы топливоподачи дизеля, созданной вместе с кандидатом технических наук Исааком Лазаревичем Сквирским, ныне, увы, покойным, руководившим группой топливной аппаратуры, в которую входила лаборатория, где Вера Сергеевна была начальником. Авторское свидетельство на изобретение бдссливной топливной аппаратуры было получено в 1974 году. Отличия их системы от других

ведомств, комитетов, управлений и т.д. и т.п. Внедряя изобретение, она побывала в Норильске, Салехарде, Уренгое, Красноярске, поселке Тарко-Сале и вообще в трехстах километрах от Северного полюса. Ей довелось выступать на бесчисленном количестве заседаний, совещаний, конференций разного уровня, доказывая залу, чаще всего сплошь мужскому, преимуществу новой системы топливоподачи. Учтите что тема кандидатской диссертации была «закрытой», то есть попросту секретной, что очень усложняло задачу.

Хватка у конструктора Морозовой оказалась бульдожьей.

А чего она вообще-то добивается всю жизнь? Собственного благополучия? Но в советскую бытность больше, чем другим заводским и вузовским конструкторам, ей все равно зарабатывать не давали, а в новые времена, когда Вадим Александрович, заслуженный машиностроитель России, работающий в СКВ «Турбина», не получает месяцами зарплату, а технический университет потерял заказчиков из-за остановки производства на оборонных предприятиях, семья из четырех человек вынуждена порой жить на пенсию Веры Сергеевны. Это около 380 тысяч рублей.

Так что речь может идти только о любви к Родине и избранному делу. Не считите это высокими словами. Здесь патетика в самый раз по крупности дела.

Когда мы завели речь о переменах в нашем обществе, Вера Сергеевна сказала, что, несмотря на все трудности нынешних дней, сказавшиеся на положении ее семьи, она все же рада изменениям. Она считает, что общество, выравнивающее всех под одну гребенку, бесперспективно. И я понимаю. По крайней мере стать доктором наук ей бы при прежних порядках не дали. Право защищать диссертацию, как и количество докторов наук на кафедрах, регламентировалось. И будь ты хоть Ломоносовым наших дней, без решения партийных органов до защиты не допускали. На все существовала

квота, как и на вступление интеллигентов в партию, членом которой Морозова не была. Конечно, Морозовой помогли и на заводе, и в политехническом институте (ныне ЧТУ), где она работает уже 16 лет.

И феноменальный муж, который не только не ревновал жену к ее профессиональному росту (сам Вадим Александрович добиваться ученых званий не стал), но и помогал. Сказав тридцать один год назад жене, собирающейся поступать в аспирантуру: «Домашние дела остаются на тебе», он благополучно эти слова забыл. Впрочем, возможно, потому, что не было смысла вспоминать. При мужской профессии, привычке руководить мужскими коллективами Вера Сергеевна дома совершенно восточная женщина, умеющая вкусно готовить, прекрасно шить и т.д., любящая красивые наряды, шляпки, украшения из натуральных камней, особенно — горного хрусталя, обожающая танцы, умеющая ценить тонкость французских духов, хотя довольно часто все перебивает запах дизельного топлива.

Вместе с Вадимом Александровичем вырастили двух дочерей. Старшая стала фермером, младшая — юристом. Сейчас доктор технических наук готовит на семью из четырех человек (с Морозовыми в малометражной двухкомнатной квартире живут младшая дочь с мужем) и заботится о кошке с собакой.

Сила воли у этой женщины, на мой взгляд уникальная. В пятнадцать лет, готовясь стать штурманом дальнего плавания, Вера Румянцева начала делать зарядку. И до сих пор ежедневно ее делает. В послевоенных Кирсараях, естественно, не было горячей воды. «Водные процедуры» после зарядки приходилось делать холодной водой. И так — до сих пор, хотя горячая вода временами бывает. Уже много лет Морозова занимается физкультурой в группе, предпочитающей это делать в лесу. Как бы она ни устала, занятия не пропустит.

Я уже говорила, что в наших с Верой Сергеевной судьбах много разных совпадений. Даже заболевание мы умудрились заполучить одно и то же. Но тут обнаруживается разница в характерах. Вера Сергеевна избавилась от неприятностей голоданием. Я из такое не способна и предпочла лечь под нож.

— Да что же тут трудного? — удивляется Морозова. — Я просто говорю себе: «Так надо». И все.

Вот поэтому Вера Сергеевна — доктор технических наук, давшая стране важное изобретение, а я — нет.

Поговорим теперь о женской доле. Сейчас много разглагольствуют о неадекватности женщины исключительно в лоно семьи. Причем привычка к маршированию строем сказывается и в этом. Как раньше — «Девушки на трактор!», так теперь — «Шагом марш на кухню!» Я не говорю о том, что финансово это доступно пока очень немногим семьям, а потому на ближайшие годы бесперспективно. Я о том, что мы опять забываем о праве каждого человека на самовыражение, даже если этот человек — женщина. Одной хорошо только в семье, и пусть повезет ей обрести такую судьбу; другой работа нужна просто для того, чтобы не замыкаться в четырех стенах; и это прекрасно — профессий, не требующих больших знаний и самопожертвования, сколько угодно.

Ну а чем провинились такие ярко одаренные, самобытные и сильные натуры, как Вера Сергеевна Морозова, которые способны не только семье, но и страну осчастливить?

Ирина МОРГУЛЕС.
Фото из семейного альбома Морозовых.